

Творческие
портреты

Художник театра

Если вы побывали в Иркутском Театре музыкальной комедии хотя бы на трех—четыре его спектаклях, то вы не могли не заметить, что в коллективе театра есть очень интересный и своеобразный мастер — главный художник, заслуженный артист РСФСР Геннадий Васильевич Будрин.

С его именем здесь связаны все наиболее значительные спектакли последних восемнадцати лет. Без этого человека, которым гордится весь коллектив, сейчас нельзя представить наш Театр музыкальной комедии.

Геннадий Васильевич преодолел большой и сложный путь творческих поисков.

Простота выражения жизни на сцене, выражения при помощи условного искусства театра достигается большим трудом, систематическим обучением. А если такой профессиональной школы получить не удалось, тогда как? Чем можно восполнить такой огромный пробел? Школой жизни! Вот та наставница, у которой учился юноша Будрин, страстно влюбленный в искусство театра.

Интересно произошла первая встреча юноши с театром. Брат Леонид, высланный за участие в революции 1905 года в село Круглыжи, организовал там самодеятельный театр. Вместе с ним Геннадий оформлял спектакли, сами они были и актерами. Вскоре театр завоевал популярность во всей округе.

В 1917 году этот самодеятельный театр превратился в боевое оружие пропаганды новой жизни. Кончилось тем, что по инициативе братьев в селе с помощью народа был выстроен театр на 250 мест. «Любительский театр для всех» значилось на его афише. На первый спектакль зрители шли как на большой праздник, и уже тогда с восторгом встретили очень живое оформление спектакля «Таланты и поклонники», сделанное Геннадием.

А вскоре двадцатилетний художник ушел добровольцем на фронт. С Красной Армией прошел он боевой путь от Омска до Перекопа. Но и в армии художник не бросал любимого дела. Он организовал любительский передвижной красноармейский театр, который был боевым органом командования фронта. При любой погоде, в самых невероятных условиях театр выступал во всех частях и подразделениях и был непосредственным участником взятия Перекопа.

Геннадий Будрин был не только художником, но и актером этого театра, театра в полном смысле слова самодеятельного. Ведь в то трудное время никаких материалов не было. В дело шло все, начиная от старой шинели и кончая обыкновенным карандашом. Конечно, в тех условиях трудно было говорить о каком-то стилевом решении спектакля, о его художественном образе. Время диктовало свои условия: декорации

должны были легкими и только в общих чертах нести колорит эпохи. Если в агитпесах этого удавалось достигать очень просто, то при постановке пьес Островского и Шекспира приходилось искать какие-то более действенные средства.

Вот тогда и обратил Геннадий Васильевич основное внимание на свет, использованием которого он поразил всех в первом реалистическом спектакле театра «Свадьба Кречинского». Активное использование света дало иллюзию богатых интерьеров, на самом деле написанных на грубом брезенте плохими красками. Это был спектакль, в котором уже можно было четко уловить манеру письма художника.

Все дальше Будрин отходит от актерской работы и целиком отдается сложному искусству художника. Он усиленно восполняет пробелы в образовании, ищет целостный образ спектакля, первоначально создавая его на макете, который с того времени признает более удобным для работы, чем эскизы.

Оперетта, куда пришел Будрин, увлекла художника своей жизнерадостностью, весельем, но и поразила совершенно ненужными нагромождениями, которые часто нарушали в угоду красоты логический строй спектакля. Школа драмы научила художника быть экономным в использовании изобразительных средств, убирать со сцены все лишнее.

Вот почему Геннадий Васильевич начинает отчаянную борьбу с ложной красотой. Плоды этой борьбы вскоре не замедлили сказаться в спектакле «Сильва». Правда, пришлось выдержать очень жестокий бой с актерами старшего поколения, которые не мыслили себе играть кальмановскую оперетту в оформлении, хоть на йоту отходящим от старой традиции, полной нелепой помпезности и вычурных росписей.

Своеобразным спектаклем, который показал, что родилась новая советская оперетта, явилась постановка «Свадьбы в Малиновке». И первые аплодисменты были отданы художнику Будрину. Публика, привыкшая за последние годы к бездумной роскоши на сцене театра оперетты, вдруг увидела обыкновенное украинское село, живущее в тревожной атмосфере боев гражданской войны. Эта атмосфера подчеркивалась немногими, но броскими деталями. На сцене не было ничего лишнего, навязчивого, бросающегося в глаза.

Декорации к спектаклю «Свадьба в Малиновке» — это уже зрелость театрального художника. Мы ясно видим в них единое решение, глубокую мысль, стремление передать то главное, что создает атмосферу действия на сцене. И что самое важное, в своем замысле художник теперь уже сливался с замыслами композитора и либреттиста. Это стало его основной задачей.

Так, пройдя трудный путь исканий, художник добился любви и признания зрителя. Если на минуту оглянуться назад, то, как и у каждого талантливого человека, мы найдем у Геннадия Васильевича и горькие срывы, и великолепные взлеты. Но всегда ясно видишь — художник и сейчас, в свои шестьдесят лет, продолжает искать. Это поиски талантливого мастера, который в каждой работе радуется чем-то интересным и своеобразным. Это — художник настроения, простой, лаконичной и выразительной формы.

Ю. КОРНИЛОВ.